К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

50-летие Великой Победы – знаменательный юбилей для многих, а, может быть и для всех поколений россиян и граждан других стран (прежде всего участников антигитлеровской коалиции). Беспредельное восхищение величием духа и массового героизма советских людей, проявленными в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., до сих пор разделяют все или почти все сограждане Российской Федерации и других бывших республик бывшего СССР. Это редкое единодушие в наши дни, когда чуть ли не любая общественная проблема вызывает огромный разнобой мнений.

РАБОТА СОВЕТСКИХ ПСИХОЛОГОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.

Впервые опубликовано в журнале «Психологический журнал», 1995, №3. Том 16 с. 3-12

В истории любого государства есть события, оценка которых не зависит от господствующих конъюнктурных политико-идеологических или общественно-культурных установок. Историческое значение этих событий для судеб народа и каждого человека неподвластно времени. В истории России одним из таких событий, несомненно, является победа советского народа в Великой Отечественной войне.

Знаменательная дата, отмечаемая прогрессивным человечеством в нынешнем году – пятидесятилетие победоносного завершения Второй мировой, – снова и снова возвращает нас к анализу военного периода в истории нашего государства, в истории развития отечественной психологической науки. Несмотря на то, что существует достаточно много серьезных и фундаментальных работ, посвященных различным аспектам данной проблематики [1-11], каждый год мы находим все новые и новые материалы, дополняющие, уточняющие и конкретизирующие развитие психологии в этот период.

И это важно не только для более многогранного понимания того величия подвига, который совершили все советские люди, в том числе ученые-психологи, но и потому, что именно в период 40-х гг., в значительной мере способствовал успешному восстановлению общественного статуса, внутреннего единства психологической науки после трагических в ее истории событий 30-х гг., укреплению веры психологов в важность и необходимость для общества их исследовательской и научно-практической работы.

Именно этот период истории отечественной психологии во многом определил перспективные линии ее дальнейшего развития и такая его оценка в исторической судьбе психологов в России будет более понятна, если мы вспомним общее состояние советской психологии перед войной и оценим его в первые послевоенные годы.

Общее состояние психологии накануне войны. Развитие психологии в конце 30-х годов в СССР характеризуют ряд особенностей, определяемых как социокультурными (в первую очередь политико-идеологическими), так и внутринаучными факторами.

Во-первых, невысокий статус психологии в обществе. После публикации постановления ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в котором была дана критическая оценка одного из ведущих в тот период направлений прикладной психологии – педологии и ее методологического инструментария – метода тестов, сворачиваются многие исследования, причем не только в области педагогической и возрастной психологии, но и по общепсихологическим, социально-психологическим, психогигиеническим проблемам, вопросам психологии труда и методики психологических исследований.

Как совершенно правильно отмечает А.В. Петровский «драматические последствия разгрома педологии сказались на судьбах всей прикладной психологии в СССР, интенсивно развивавшейся в 20-е годы и оказавшейся пресеченной в середине 30-х годов» [5, с.135]. Закрываются все педологические и психотехнические лаборатории в различных городах страны, сворачивается подготовка специалистов по этим направлениям, закрывается ряд журналов психологического профиля, репрессиям подвергаются ведущие психологи страны.

Все это приводит к тому, что в общественном сознании формируется установка: заниматься психологией становится не только непопулярно, но и опасно. Был нанесен значительный удар по статусу психологического знания в обществе, а широко разветвленная организационная структура психологической науки фактически свернута до отдельных психологических подразделений (в основном в исследовательских учреждениях).

Во-вторых, высокий уровень идеологизированности психологии и, соответственно, жесткий социальный контроль над проводимыми психологическими исследованиями. На фоне общей социальной ситуации в обществе, в условиях тотального поиска врагов народа для объяснения провалов в тех или иных областях социально-культурной и народнохозяйственной жизни страны, что к середине 30-х годов стало повсеместным явлением, в русле продолжавшейся чисто идеологической компании «за чистоту марксизма-ленинизма», в психологическом сообществе также осуществляется поиск «лженаучных учений и положений».

Некоторые ученые занимаются самобичеванием, разоблачают как собственные, так и «ошибки» коллег, отказываясь от концептуальных идей и положений, разработок и выводов, по результатам теоретических и конкретно-эмпирических исследований. Это приводит к тому, что в конце 30-х годов в советской психологии формируется и доминирует монологичная, унитарная марксистская парадигма, не допускающая принципиально альтернативных теоретических и методологических концепций, а целый ряд психологических проблем (индивидуальности, соотношение биологического и социального в психике, профпригодности, задатков и ряд других) фактически исключаются из тематики психологических исследований (по сути можно говорить об узости дисциплинарно-отраслевой структуры советской психологии конца 30-х годов).

В-третьих, доминирующая теоретико-методологическая, а не практическая ориентированность проводимых психологических исследований. К концу 30-х гг. работа большинства психологов ограничивается лишь лабораторными исследованиями с использованием, в основном, метода эксперимента. И поэтому можно говорить как о тенденции – узком спектре используемых в психологических работах методических средств.

Таким образом, несмотря на достаточно позитивные оценки состояния советской психологии, содержащиеся в ряде статей того периода, подготовленных в связи с теми или иными юбилейными датами, мы должны признать, что к началу Второй мировой войны советская психология подошла отнюдь не на пике своего развития. Она только начинала восстанавливаться после урона, нанесенного в ходе «идеологических чисток», «методологических поворотов», «научных дискуссий» (реактологической, рефлексологической), так называемой марксистско-ленинской реконструкцией психологии начала и середины 30-х гг. При этом главные потери, понесенные советской психологией, «связаны с тем, что она на многие годы перестала ориентироваться на развитие прикладных проблем, соответственно на подготовку для этого кадров, уходила от насущных нужд практики…, замыкалась в рамках чистой теории, и тем самым все более отодвигалась на задний план научно-технического прогресса [5, с.137-138].

Однако, несмотря на столь сложную ситуацию в науке, психологи с первых дней войны, проникнувшись чувством общей ответственности за судьбу Родины и поиском наиболее эффективных путей достижения общих целей, сделали все от них зависящее, чтобы их знания и практика оказались полезными в противостоянии смертельной опасности. Об этом свидетельствует многогранная деятельность психологов в годы войны: «проведение научных исследований по оборонной тематике, работа в эвакогоспиталях по восстановлению здоровья раненых бойцов; обеспечение психологической подготовки кадров и учебно-воспитательного процесса,

развертывание научно-просветительских и санитарно-профилактических мероприятий; непосредственное участие в боевых действиях (в составе кадровых частей, народного ополчения, партизанских отрядов); строительство защитных сооружений в тылу; работа на производстве и в сельском хозяйстве» [11, с.16].

За годы войны происходят существенные изменения в советской психологии.

Во-первых, позитивным образом изменяется статус психологии в обществе. Свидетельством этого служит присвоение ряду психологов и психофизиологов Государственных премий (С.Л. Рубинштейн – 1942 г.; А.Н. Бернштейн – 1948 г.), приглашение психологов к работе в различных центральных учреждениях (Академии педагогических наук, Академии медицинских наук и т.д.), увеличение издания психологической литературы. О росте авторитета психологии свидетельствует и введение в 1946 г. психологии в качестве учебного предмета в средней школе; усиливается воздействие психологии на формирование активного национального самосознания и патриотических мотивов поведения.

Во-вторых, изменяется внутридисциплинарная структура психологии и тематика психологических исследований: формируются новые отрасли (нейропсихология, военная психология); активизируется изучение исторических аспектов развития психологии и разработка психолого-педагогической проблематики; увеличивается доля конкретно-прикладных разработок, связанных, в первую очередь, с решением задач военного времени (повышение боеспособности бойцов, цветомаскировка, психологическая реабилитация и восстановление трудоспособности раненых и т.д.).

В-третьих, укрепляется организационная структура психологической науки (в 1943 г. открываются кафедры психологии в Московском и Ленинградском университетах; в 1945 г. организован НИИ психологии на Украине и т.д.). При этом важно подчеркнуть, что наряду с созданием новых психологических центров расширяется их географическая представленность. За годы войны в советской психологии был накоплен огромный эмпирический материал, обобщение которого привело к созданию в первые послевоенные годы ряда фундаментальных работ по общей психологии и другим отраслям психологической науки.

Все это позволяет, на наш взгляд, как это ни покажется парадоксальным, прийти к выводу, что период Великой Отечественной войны был одним из наиболее благоприятных (по сравнению с предшествующими) для развития советской психологии: ослабло идеологическое давление государства, уменьшился социальный контроль за проводимыми исследованиями и их результатами, произошли интеграция психологического знания, формирование перспективных линий развития, оказавших существенное влияние на последующие судьбы психологии в СССР.

Особенно важным является то, что несмотря на сложные условия военного времени, психологи не прерывали научно-исследовательскую работу. Впервые публикуемые ниже архивные документы из Научного архива Института психологии РАН лишний раз свидетельствуют об этом.

Каждый из этих уникальных документов по-своему интересен, но все они говорят об одном – при должном отношении и поддержке психологии со стороны государства и при совместных объединенных усилиях всех членов психологического сообщества возможности психологического знания в решении актуальных общественных задач могут быть более чем эффективны.

В первом документе отражена деятельность в начале войны А.Ц. Пуни, впоследствии одного из лидеров отечественной психологии спорта, ученого, творчество которого еще ждет своего исследования, и чей вклад в развитие одной из интересных отраслей психологической науки, надеемся, получит необходимую позитивную оценку.

Второй из публикуемых документов характеризует деятельность В.И. Кауфмана, коллеги и ближайшего соратника Б.Г. Ананьева, психолога, являющегося одним из ведущих специалистов по проблеме психологии музыки.

Третий документ отражает тематику работы лаборатории слуховых восприятий психологического сектора Государственного Института Мозга им. В.М.Бехтерева.

Четвертый документ – заметка в стенную газету Н.Рыбникова о работе одного из ведущих психологических центров Закавказья – Института психологии Грузии – в 1948 г., тематику которых в значительной мере определили исследования, проведенные в военные годы.

Безусловно, это только часть из тех обширных, неизвестных широкой психологической общественности архивных материалов, отражающих деятельность психологов в годы войны. В этот юбилейный год редакция «Психологического журнала» планирует продолжить публикацию других документов – «живых свидетелей» важной и необходимой работы, которую проводили советские психологи в те трагические суровые годы.

ДОКУМЕНТ

МОЯ РАБОТА ЗА ДВА ГОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

4 июля 1941 года ушел добровольцем в Красную Армию. 17 июля 1941 года из Добровольческой Армии направлен в распоряжение Санитарного Управления Ленфронта для использования по специальности.

18 июля 1941 года направлен старшим методистом по ЛФК (лечебно-физической культуре – *В.А. и Ю.Н.*) Ленфронта.

В этой должности состоял до октября 1942 года.

С октября 1942 года по настоящее время исполняю обязанности Начальника кабинета ЛФК (старшего врача по ЛФК) того же госпиталя. Кроме того являюсь

1) консультантом по ЛФК ВСУ Ленфронта по специализированным челюстно-лицевым и нейрохирургическим госпиталям,

2) нештатным преподавателем по циклам ЛФК курсов усовершенствования медицинского состава ВСУ Ленфронта.

За указанный период, помимо текущей лечебной работы, мною сделано следующее:

1. Разработан совершенно новый раздел ЛФК при челюстно-лицевых ранениях и к 25-летию Октябрьской Революции оформлен в виде специального пособия объемом 6 печатных листов (совместно со старшим стоматологом Ленфронта профессором орденоносцем А.А. Кьяндским).

2. Заново переработан раздел ЛФК при ранениях центральной и периферической нервной системы и к 25-летию Красной Армии оформлен в виде пособия объемом 6-7 печатных листов.

3. Написано 10 научно-методических работ.

4. Прочитаны лекции по основам методики ЛФК при ранениях нервной системы и ЛФК при челюстно-лицевых ранениях на пяти циклах врачей и методистов по ЛФК, проходивших при КУМС Ленфронта и Городском комитете по делам ФК и спорта, на двух из них кроме того, я являюсь начальником цикла.

5. По специальному заданию ВСУ Ленфронта организована работа по ЛФК в ленинградской нейрохирургическом институте (директор з.д.н. проф. Поленов), где я являюсь постоянным консультантом.

6. В 1942 году на всесоюзных конференциях по ЛФК, на которые я был командирован ВСУ Ленфронта по вызову ГВСУ Красной Армии, сделаны следующие доклады:

а. О работе по ЛФК Ленинградского городского комитета по делам ФК и спорта.

б. ЛФК при челюстно-лицевых ранениях.

в. Опыт применения групповых сеансов ЛФК с разнородным составом раненых.

7. По заданию ГВСУ Красной Армии в 1942 году обследовано состояние работы по ЛФК Кировской области, где, кроме того:

а) по поручению Всесоюзного Комитета по делам ФК и спорта при СНК СССР оказана непосредственная помощь в организации и проведении областной конференции-сбора по ЛФК, на которой сделан доклад на тему: «Как вести карту ЛФК».

б) Развернута работа по ЛФК в Кировском челюстно-лицевом госпитале.

8. Разработаны принципы и методика ведения карточки ЛФК, которая сейчас внедрена в лечебных учреждениях Ленфронта.

9. На конференциях и сборах методистов по ЛФК челюстно-лицевых хирургов и нейрохирургов Ленфронта прочтено свыше 20 докладов и лекций

(Далее указан перечень-список выполненных научных и научно-методических работ и публикаций А.Ц.Пуни, включающий 11 наименований общим объемом более 20 печ.л. – *В.А. и Ю.Н.)*

Возглавляемый мною кабинет ЛФК выделен ВСУ Ленфронта в качестве учебной и консультативной базы для всех специализированных челюстно-лицевых лечебных учреждений.

За проводимую работу имею 4 благодарности от ВСУ Ленфронта и ФЭП – 50 (фронтовой эвакогоспиталь – *В.А. и Ю.Н.*), 5 благодарностей от Командования госпиталя.

Приказом Всесоюзного Комитета по делам ФК и спорта при СНК СССР в июне 1942 года награжден грамотой.

Приказом НКЗ СССР от 22 декабря 1942 года награжден значком «Отличнику здравоохранения».

К годовщине Красной Армии руководимый мною кабинет ЛФК командованием госпиталя награжден Почетной грамотой.

В качестве сотрудников кабинета ЛФК в настоящее время работают воспитанники Института: Смирнова В.А., Дедова О.Н., Верещагин А.П., ранее работали: Холодковская Е.И., Лукашков Ю.П., Яроцкий А.И.

Доцент (А.Ц. Пуни)

ДОКУМЕНТ

С П Р А В К А

Дана кандидату педагогических наук Кауфману Владимиру Илларионовичу о том, что он с момента организации Самаркандского областного Отделения ССК Узбекистана и до настоящего времени состоял в числе лиц, в составе коих был утвержден в означенный Отдел (в Марте 1944 г.) и по поручению Правления Отдела руководил в этот период работами Секции Музыковедения.

Кроме руководства Секцией, имевшей за это время шесть научных заседаний в которых кроме оргвопросов заслушано и обсуждено пять музыковедческих работ, тов. Кауфман за то же время выполнил следующую научную работу:

1. Сделал в заседаниях Пленума Отдела два доклада на темы: 1) «О музыкальном слухе» и б) «Особенности узбекской музыкальной культуры, их исторические корни и перспективы

ее развития» (с музыкальными иллюстрациями, в число которых вошел творческий отчет Нар. артиста УзССР М. Талмасова).

2. По поручению Правления Отдела подготовил доклад для узбекских работников искусства на тему «Европейская и Узбекская музыка (сходство и различия)» и организовал музыкальные иллюстрации к этому докладу по широкой программе (доклад намечен в конце мая с/г).

3. Закончил музыковедческое исследование по теме «Сравнительный анализ звукорядов Запада и Востока» но основе обширного (100 ладов) ладового материала. Работа доложена в двух заседаниях Секции Музыковедения и оформлена в виде статьи (свыше двух печ.листов) и развернутых тезисов.

Председатель Сам. Обл. Отд. ССК
Композитор (Я.С. Файнтух).

ДОКУМЕНТ

ПРОБЛЕМАТИКА И ТЕМАТИКА ЛАБОРАТОРИИ СЛУХОВЫХ ВОСПРИЯТИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В 1945 году

До войны лаборатория работала по проблеме восприятия, причем тематика строилась в плане: а) дифференциальной чувствительности (тонкости слуха), б) пространственного восприятия (определения направления по звуку).

Война прервала эту работу. В соответствии с заданиями военной невропатологии и психиатрии лаборатория обратилась к вопросам поражений слуховой функции в связи с военными травмами, что в области слуховых восприятий заставило сосредоточить усилия на исследовании остроты слуха, причем впервые вначале по методологическим соображениям, оказалось необходимым подойти к вопросам восприятия речи (речевой слух).

К началу 1945 г. цикл работ военного времени был практически законен, и привел при этом к некоторым положениям, имеющим теоретическое значение и требующим дальнейшего исследования и уточнения, возможного без продолжения работы в области восприятия речи.

С другой стороны, сближение с работами отдела психологии как в области зрительных восприятий, так и в области представлений, требовало возобновления работы по проблеме пространственного слуха. Вместе с тем, возобновленная уже в последние военные годы тематика (в сверхплановом порядке), работа по звукоразличению и музыкальному слуху приводила к необходимости продвижения (в области предмета исследования) от проблемы ощущения и восприятия к проблеме слуховых представлений – звуковых образов. Последнее являлось естественным развитием исследования проблемы восприятия, вытекающим из хода всей работы Отдела психологии.

Таким образом родилась проблематика лаборатории на 1945 г. ее можно обобщить след. образом: 1. Слуховые представления; 2. Пространственный слух; 3. Речевой слух и роль в нем фонетики и семантики речи.

Тематически эта проблематика конкретизируется в следующем виде. Вл. И. Кауфман, на основе предшествующих работ из которых основные в Отделе доложены, а последняя – «Абсолютный слух» намечена к докладу в одном из ближайших заседаний…, работает в 1945 г. над темой «Психологическая природа внутреннего слуха и его роль в практической деятельности». Тема разрабатывается в направлении как музыкальной, так и медицинской практики;

предварительное сообщение (обзор литературных данных и постановка вопроса) также готово к докладу…

С.Е. Дранкина продолжает работу по проблеме пространственного слуха, работая по теме «Определение расстояния по слуху». Предварительное сообщение … сделано.

Что касается … третьей проблемы – речевого слуха – то, как отмечалось в отчете за 1944 год, здесь весьма желательны некоторые морфологические и физиологические исследования (изучение post mortem локализации поражений корковой части слухового анализатора при некоторых заболеваниях; исследование на животных условий, при которых отпадает ощущение шумов (сложных звуков непериодического характера) и сохраняется ощущение чистых тонов). В пределах же лаборатории было бы желательно патопсихологическое изучение (на афазиях и особенно на пограничных с ними состояниях) процесса восприятия речи. Такое исследование может быть организовано на тех или других организационных началах.

Затруднения в работе сводятся к трудностям финансового характера: желательно увеличение состава лаборатории на ½ ставки, … обеспечение темы С.Е. Дранниковой аппаратурой, без которой ее тематика неосуществима, …организация в Институте налаженного аккумуляторного хозяйства. Те же затруднения стоят и на пути к продолжению и окончанию работы по дифференциальной слуховой чувствительности – … восприятию тембра звука, для чего нужно привести в должный вид и состояние аппаратуру, пострадавшую и дерегулировавшуюся в связи с ее эвакуацией в Казань и реэвакуацией.

Зав. лабораторией, ст. научн. сотр.
(Кауфман)
20 апреля 1945 г.

ДОКУМЕНТ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ГРУЗИНСКИЕ ПСИХОЛОГИ

По примеру прошлых лет кабинет истории психологии в начале текущего года разослал обращение о присылке информации по текущей работе на местах. До сих пор еще не удалось получить полного описания тематики психологической работы на местах. Поэтому пока еще не представляется возможным дать общую сводку по этому вопросу. Приходиться ограничиться описанием работы отдельных психологических центров.

Приведем данные в отношении таких ячеек работы, которые не всегда доступны большинству советских психологов. К числу таких центров относится Грузинский институт психологии, возглавляемый академиком Узнадзе.

Как и в прошлые года основной проблемой, вокруг которого группируются основные темы работы этого института, является проблема установки. В текущем году руководитель института, профессор Узнадзе намечает обобщение материалов, собираемых Институтом в течение ряда лет.

«Основные теории установки» – так будет называться обширная монография (20 п.л.), посвященная выяснению сущности и основных закономерностей установки личности. Монографию предполагается выпустить на русском языке.

Кандидат пед. наук З.И. Ходжава разрабатывает проблемы торможения навыков. В текущем году он наметил тему «Ассоциативное и ретроактивное торможение, как проявление действия установки на образование и функционирование навыка». Предшествующие работы ав-

тора позволили ему выдвинуть гипотезу что ассоциативное и ретроактивное торможение подчинятся закономерностям установки личности. Задача работы текущего года должна дать проверку этой гипотезы.

Вопрос влияния установки на характер осмысливания качественного материала выдвинут в работе канд. пед. наук Н.Л. Элиава («К вопросу об установке стимулированной представление качественного материала»).

Роль критической ситуации в процессе активизации ранее фиксированной установки изучает канд. пед. наук Ш.Н. Чхартишвили («Роль критической ситуации в деле восстановления фиксированной установки»).

Роль окружающей ситуации для восприятия направлений пространства изучает проф. Н.Г. Натадзе. («Свойства воспринимаемой ситуации как фактор восприятия направлений пространства»).

Вообще говоря, грузинские психологи ставят и разрабатывают проблему установки чрезвычайно широко. В текущем году к этим вопросам подходят и зоопсихологи. Это находит отражение в темах: «Влияние установки на качественный материал у обезьян» (Н.Г. Адамашвили), «О некоторых вопросах восприятия на низших ступенях филогенетического развития (позвоночные крысы-альбиносы)» (Чрелашвили).

Канд. пед. наук Д.К. Асатиани прослеживает роль установки на взаимодействие чувственных элементов в процессе восприятия («Взаимодействие чувственных элементов восприятия и установка»). Работа показывает ложность т.н. гештальт-теории о взаимодействии чувственных элементов и самим восприятием.

«Психологические основы выразительных возможностей размеренной речи» изучает канд. пед. наук Д.И. Рамишвили.

Институт уделяет внимание вопросам детской и педагогической психологии. Сюда относятся темы:

1. «Роль эмоций в эстетическом восприятии ребенка дошкольного и первого школьного возраста» (Ф.С.Хундадзе).
2. «Развитие памяти на ступени второго школьного возраста» (Е.Д.Кежерадзе).
3. «Эгоцентрическая речь ребенка» (Авалишвили).
4. «Психологические основы обучения грамоте» (А.Н.Мосиава).

В плане изучения истории психологии следует назвать темы 1. «Опытная психология Гавриила Кикодзе» (А.С. Прангишвили), 2. «Психологические воззрения Декарта (А.Т. Бочоришвили).

Критический обзор современных течений буржуазной психологии собирается дать И.К. Абашидзе. Он планирует подвергнуть критическому анализу персоналистические концепции В. Штерна и Олпорта.

В тематике грузинских психологов некоторое место отведено и вопросам патопсихологии: 1. «Речь больных шизофренией» (И.Т. Бжалава), 2. «Суждения больных шизофренией» (К.Д. Мдивани), 3. «Преморбиальная личность больных инволюционным психозом» (В.Г. Норакидзе).

Более подробный отчет о работе грузинских психологов в 1948 году и плане работы на 1949 год имеется в кабинете истории психологии.

Н. Рыбников

Литература

1. Барабанщиков А. В. Советская психология в годы Великой Отечественной войны // Вопр. психологии. 1985. № 2. С. 12-22.

2. Вклад советских психологов в оборону Родины // Вопр. психологии. 1985. №2. С.5-11.

3. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В. Ленинградские психологи в годы войны // Психол. журн. 1985. Т. 6. №7. С.3-7.

4. Лурия А.Р. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Журн. невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. М., 1975. № 5. С. 757-759.

5. Петровский А.В. Непрочитанные страницы истории психологии – тридцатые годы // Психологический журнал. Т.9. 1988. №4. (перепечатка в сб.: Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989. С. 374-395).

6. Рыбников Н.А. Тематика советской психологии в условиях Великой Отечественной войны // Советская педагогика, 1944, № 2-3. С. 43-47. (перепост есть здесь: Вопросы психологии. – 2015. – N2. – С. 96-103).

7. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943, № 9-10. С. 45-61.

8. Смирнов А.А. Советские психологи – обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопр. психологии. 1975. – №2. – С. 13-30.

9. Смирнов А.А. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопр. психологии. 1975. №4. С. 124—126.

10. Галкина О.И. Краткие сведения о практической и научной деятельности в период Отечественной войны 1941-1945 гг. – Архив ИП АН СССР, фонд Н.М. Обдана.

11. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Деятельность психологов в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. Т. 11. 1990. №3. С. 16-24.